

Весна в старинном родовом поместье Парсонов была на самом деле довольно приятной, в саду за домом росло целомудренное широколиственное дерево, огромная тень которого всегда могла накрыть столик с закусками, пропуская небольшое количество солнечного света, что было в самый раз. Из забора торчали свежие ягоды.

Ягоды были красивого красного цвета и были полны сока, из-за чего они не задерживались надолго.

Освальд был той злой рукой, которая срывала ягоды. А все потому, что ему нечем было заняться, кроме как читать да собирать фрукты и цветы.

Этот восьмилетний молодой хозяин старинной усадьбы Парсонов был угрюм и труден, как говорили наедине немногие слуги в поместье. Но на самом деле они с ним мало общались. Помимо обычной ежедневной рутины приготовления трех блюд и уборки поместья, они почти не появлялись перед Освальдом.

Без того, с кем можно было поиграть, включая запрет на прогулки, этих двух пунктов было достаточно, чтобы восьмилетний мальчик сошёл с ума. Более того, он находился в состоянии замаскированной заброшенности — семья Парсонов давно переехала в новое поместье. Там были его отец и трое братьев, которых он даже не знал, как и то, как они выглядели. Они оставили Освальда со старым домом, несколькими безжизненными слугами и старым дворецким с суровым лицом Йеном.

Йен был колючим человеком. Ему не нравилось многое — изогнутая бахрома занавесок, асимметричные тарелки или слегка кривая линия стола. Он особенно не одобрял Освальда за то, что этот незадачливый ребенок вообще не следовал никаким правилам.

Честно говоря, Йен скорее походил на стереотипного неуступчивого учителя, чем на дворецкого. Цель его жизни заключалась в том, чтобы сгладить характер Освальда от волос до пяток, сделав его правильной прямой линией, соответствующей правилам.

Ненормальная растущая среда привела Освальда к ранней мятежной фазе. Это, вероятно, было вызвано его инстинктом, как будто чем сильнее он ударит копытом, тем больше была вероятность, что он привлечет внимание. Однако он привлек внимание не старейшин семьи, а опеки Кевина.

Йен привел Кевина, потому что суетливый старый дворецкий обнаружил, что он больше не может контролировать восьмилетнего Освальда.

"Привет, малыш, я Кевин Фассбендер, и я буду отвечать за твое обучение фехтованию и бою с сегодняшнего дня", — это были слова Кевина, когда он впервые предстал перед Освальдом.

Кевин, который в то время выглядел на семнадцать-восемнадцать лет, тоже находился в переходном периоде между юностью и взрослой жизнью. Он носил стандартную армейскую

форму резерва, имел узкую талию и длинные ноги, похожие на саблю в ножнах.

Его Превосходительство Фассбендер сидел у стола с закусками, скрестив ноги, и ел крекеры; его поза была расслабленной и не очень правильной. Но нельзя было отрицать, что он произвел на Освальда прекрасное первое впечатление.

Мальчики помладше всегда испытывали невысказанную тоску и восхищение по отношению к мальчикам постарше, которые выглядели острыми и собранными.

Кевин стряхнул с руки крошки крекеров и сузил глаза: "Я слышал, ты не любишь, когда тебя гладят по голове. Кстати, мне это тоже не нравится, — он сказал это, вставая и делая два шага вперед. Затем он согнул талию и протянул руку, улыбаясь, — надеюсь, я не заставлю тебя сердиться".

Его пальцы были длинными и аккуратными, выглядящими так же хорошо, как и его внешность.

Восьмилетний Освальд, который еще не полностью освободился от сонливости после своего сна, долго смотрел на протянутую руку, прежде чем потянуться, чтобы взяться за нее.

С напряженным лицом молодого мастера, он сказал: "Я вас не ненавижу". Вы мне очень понравились.

В тени дерева закричала весенняя пятнистая птица, и Освальд проснулся.

Он сел на просторную кровать, пощипывая пространство между бровями. Прислушиваясь к приглушенному раскату грома снаружи, у него внезапно пропало настроение продолжать спать. Он просто надел одежду и большими шагами вышел из комнаты.

Небо было еще темным, и на улице лил сильный дождь.

Он махнул охраннику на ночном дежурстве, показывая, что им не нужно следовать за ним. Затем он свернул за угол и оказался перед дверью кабинета.

Дверь в кабинет была широко распахнута, а мужчина внутри угрюмо растянулся на письменном столе, давно уснув.

Освальд: "....."

Он просто сложил руки на груди и прислонился к двери, спокойно ожидая. Он хотел

посмотреть, когда Его Превосходительство Фассбендер заметит его прибытие.

Вероятно, из-за того, что сцена в его предыдущем сне была такой нежной и мирной, Освальд казался исключительно терпеливым с редким отсутствием гнева в его сердце.

К сожалению, Кевин по какой-то причине крепко спал, и не было ни малейшего намека на то, что он проснется.

Освальд прислушался к шуму дождя за пределами коридора, и некоторое время наблюдал за ним. В конце концов, он не смог больше стоять прямо и вошел в кабинет.

Кевин опирался на левую руку, а правая рука лежала на открытом кодексе. Стопка пергаментов лежала под кодексом, а на краю стола кисть для письма. На бумаге от кончика кисти осталось несколько чернильных пятен; это было очень грязно.

Освальд прищурился и какое-то время смотрел на Кевина. Затем он поднял руку, чтобы снять правую лапу с кодекса и отложил кодекс в сторону, обнажив бумаги под ним.

Как и ожидалось, он не скопировал ни единого слова!

Однако бумага не была пустой, на ней было все что угодно, кроме слов.

Его Превосходительство Кевин Фассбендер сидел в кабинете в торжественной обстановке, используя драгоценную кисть императора и первоклассные пергаменты, чтобы нарисовать кучу монстров и дьяволов.

В те годы Освальду посчастливилось несколько раз испытать навыки рисования Кевина. И благодаря своему необыкновенному воображению и знанию Кевина он догадался, что на бумаге были изображены горные зайцы толще свиней, гигантские черепахи уродливее зимородков, львы с глупыми медвежьими мордами, ощищенные грифоны и похожие на цыплят черные орлы

Рядом даже был нарисован огромный крест, графически и ярко выражая слово — зверский.

Освальд: "....."

Вероятно, это была форма недовольства Кевина им. В конце концов, наказание в виде стократного копирования не было чем-то, что можно было бы выполнить.

Он взглянул на Кевина и с гримасой взял этот кусок пергамента. Он только хотел взять кисть и отметить ее "уже проверено, наказание увеличено", когда заметил, что Кевин также что-то нарисовал на другом пергаменте.

Это должно быть человеческое лицо с одним большим и одним маленьким глазом, которые выглядели очень асимметрично, а посередине была спотыкающаяся линия в виде носа. Рядом с ним были беспорядочные вертикальные линии; неизвестно, была ли это доработка или попытка затемнить нос.

Бесподобный уродливый рот смутно виднелся под этой тенью.

Что, черт возьми, это было?

Освальд долго смотрел на бумагу, прежде чем различить дерево и стол за этим человеческим лицом, этот стиль живописи все еще не позволял долго смотреть на него.

Тень дерева? Стол? Человек?

Эти несколько вещей собрались вместе, и в голове Освальда вспыхнула сцена. Он задумался на некоторое время, и его лицо мгновенно почернело.

"Тук! Тук! Тук!" — Освальд согнул палец и сильно постучал по столу.

"Хм?" — Кевин хмыкнул и, нахмурившись, открыл глаза. Он посмотрел на него с усталым и пустым лицом.

"Что это за штука, которую ты нарисовал?" — Освальд взмахнул листком бумаги.

"О...", — неопределенно ответил Кевин, снова откидываясь на руку и закрывая глаза.

Задний двор поместья Парсонов.

Освальд наклонился ближе и услышал, как он сказал это.

Оказалось, что этому предку мало было вспомнить то время, когда он его избивал; он даже додумался нарисовать нечто подобное. Поскольку он нарисовал задний двор поместья Парсонов, стало очевидно, что это за существо, не похожее ни на человека, ни на призрака.

Освальд: "....."

Сцена из этого сна снова промелькнула в памяти Освальда, и он вспомнил первое, что сказал, встретив этого предка. Он практически хотел вернуться в то время и отрезать себе язык.

Нравится, моей заднице! Будь он проклят, если он не возненавидит его.

"Вставай!" — Освальд снова сильно постучал по столу.

Кевин нахмурился и махнул рукой, давая расплывчатый ответ: "Позже, я чертовски хочу спать".

Освальд нахмурился: "Последнее слово остается за тобой или за мной? "

На этот раз Кевин даже не махнул рукой и вообще не ответил.

"Эй...", — Освальд какое-то время смотрел на него. Он все еще хотел позвать его, но заметил, что Кевин тяжело вздохнул и, похоже, снова заснул. Однако его хмурое лицо не расслабилось и казалось полным усталости, которая не соответствовала его обычному состоянию.

Палец Освальда замер, он почувствовал, что что-то не так.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17805/1689718>